

Э. Б. Ершова

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ЖЕНСКОМ ДВИЖЕНИИ В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX- НАЧАЛА XX ВЕКА И В СССР

Среди трудов, посвященных социальному статусу российских женщин на различных исторических этапах, целесообразно выделить работы Ричарда Стайса «Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930» (7), Барбары Энжел «Матери и дочери: Женщины из среды интеллигенции в девятнадцатом столетии» (1). Герды Лернер «Место женщин в истории» (6) и ряд других. В интересах современного женского движения историки США и Западной Европы изучали его прошлое, в архивах и опубликованных источниках искали следы его опыта, стараясь услышать до сих пор молчавшие женские голоса. Большинство работ было посвящено исследованию жизни и творчества женщин-литераторов, их дневников, воспоминаний и писем. Был изучен и ряд новых вопросов, касающихся власти, используемой мужчинами по отношению к женщинам, ее влияния на мысли женщин и их опыт. Однако многие ученые выбрали достаточно узкий круг проблем, сосредоточив свое внимание или на женщинах из интеллигенции, или на попытке большевиков осуществить равноправие женщин после 1917 года. Несмотря на то, что такие работы вскрывали неизвестные до того времени или ранее умалчиваемые факты, касающиеся русских женщин, они почти ничего не говорили о жизни и опыте «средней» русской женщины—жизни, которую феминистки отвергали и которую революционеры стремились изменить.

С течением времени круг рассматриваемых проблем расширился, изменилась и методология исследования. Новым этапом в развитии зарубежных исследований российского женского движения можно считать конференцию под названием «История женского начала в Российской империи», проходившую в Акроне, штат Огайо, США, в августе 1988 года. Ученые из Англии, Советского Союза, Германии, Австралии и США выступали по целому ряду тем, предлагая новые решения использования опыта женского движения и роли рода в структурировании исторических перемен. В 1991 году выборочные материалы этой конференции были опубликованы.

Вместе с теми научными трудами, которые вышли за последние 10 лет,

материалы конференции в достаточной мере раскрывали прошлое женщин России.

Значительная часть работ данного направления была посвящена жизни женщин низшего сословия. Но, как известно, лишь небольшое число женщин-рабочих и еще меньшее женщин-крестьянок оставили какие-либо личные документы, на основании которых можно судить об уровне и тенденциях эволюции их социального статуса. Поэтому зарубежные ученые обратились в своих исследованиях к мнению дореволюционной российской интеллигенции. Однако большинство этнографов, врачей, юристов, земских ученых-статистиков, социалистов различных направлений, имевших дело с бедными слоями населения, были образованными мужчинами, а потому их классовая принадлежность, родовые взгляды и политические убеждения накладывали определенный отпечаток на передаваемую ими информацию. И поскольку существует мало первичных источников, авторы которых придерживались бы феминистических взглядов, они не создали надежного научного противовеса. Наконец, в социальной истории России, как и во всех других ее областях, существует устойчивая тенденция считать мужской опыт универсальным. Все это усложняет проблему толкования исторического пути российской женщины.

Поистине пионерской в своем роде является работа Роуз Гликмен (4), посвященная жизни русских женщин конца XIX—начала XX века, трудившихся на фабриках. Основанная на опубликованных и архивных источниках, эта работа имеет целью изменить представление о трудовой России. С одной стороны, автор раскрывает патриархальные традиции, господствовавшие в промышленном производстве того периода: вовлечение женщин преимущественно в малоквалифицированный и неквалифицированный труд, пренебрежительное отношение со стороны мужчин — рабочих и мастеров. В работе убедительно продемонстрировано, что данные традиции гасили инициативу женщин, не давали раскрыться их организаторским способностям. С другой стороны, Гликмен показывает, как в процессе профессиональной деятельности,

межличностного общения женщины-работницы посте пенно приобретали чувство собственного достоинства и включались в общественную жизнь.

Данный методологический подход эффективно противостоит существующей у зарубежных историков тенденции рассматривать женщин как «отсталые» существа из-за их неспособности принимать участие в стачках или включаться в деятельность рабочих организаций на том же уровне, что и мужчины. Вместе с тем автор данного исследования считает участие в таких мероприятиях единственной мерой проявления «сознательности» и не задается вопросом, могут ли женщины найти другие формы коллективных выступлений или более подходящие для них формы политического самовыражения. Например, Гликмен не исследует связи между женщинами-рабочими, условия труда, которые историки во все времена считали важной предпосылкой женского рабочего движения. Одним из ее утверждений является то, что русские женщины не имели тесных связей и что в особенности незамужние женщины были исключительно обособлены друг от друга. По нашему мнению, подобное утверждение имеет мало оснований, поскольку именно для дореволюционной России с ее общинными традициями, миграцией населения из деревень для работы на фабриках были характерны родственные и земляческие отношения между рабочими. В своей книге Гликмен рисует жесткую картину крестьянского патриархата, подчеркивает крайне угнетенное положение крестьянки в дополнение к ее громадному бремени работы в поле и в домашнем хозяйстве: угнетение в деревне заключалось также, по мнению автора, в ограничении прав женщины на землю, отсутствии женщин в органах самоуправления (сходах) и их подчинении в семье.

Некоторые зарубежные исследователи предприняли попытку расширить рамки традиционного описания статуса русской крестьянки. Так, в работе Кристин Воробек (8) предлагается противоположная вышеуказанной модель власти и социального положения в русском крестьянстве. Автор показывает, что у женщин было право собственности на приданое и на вещи, купленные ею до замужества, что они, как и вдовы, могли получать доступ к общинным землям. Основываясь на изучении записей волостного суда, Беатрис Фарнсворт (3) утверждает, что невестка в крестьянском доме была наиболее слабым в правовом отношении членом семьи, хотя на самом деле имела значительный статус и права. Опираясь на этнографические данные и земские документы Барбара Энжел (2) показывает, что, когда муж уходил из деревни на заработки, положение его жены в деревне и семье ухудшалось.

В других публикациях, напротив,

подчеркивается сила русской женщины, а источником этой силы называются семья, община, культура. Воробек, подробно исследуя положение женщин в крестьянском обществе, подчеркивает умение женщин использовать патриархальный порядок в собственных целях, приспособившись к нему. Она пишет, что с возрастом женщины получали все больший доступ к власти: когда мужчина становился главой семейства, положение его жены определялось как господствующее по отношению к ее невесткам; кроме того, она могла оказывать влияние на своих сыновей. Воробек также обращает наше внимание на важную роль женщин в организации свадеб, сохранении семьи и общины и передаче культурных традиций молодому поколению. Исследовательница тем не менее не отрицает, что культура, сохраняемая и передаваемая женщинами, оставалась глубоко патриархальной.

Интересными в методологическом отношении представляются идеи зарубежных ученых относительно расстановки сил на политическом уровне, сохранения социальной и политической стабильности, зависящих от благополучия в семье. С их точки зрения, все, что женщины, обладавшие властью, осуществляли в рамках патриархального порядка в крестьянских деревнях и в целом во всем российском обществе, было разрешено и поддерживалось законом, потому что это воспитывало дисциплину и уважение к государственной власти. Чтобы поддерживать патриархальную власть над незаконно-рожденными детьми, служившими доказательством неспособности семьи контролировать своих членов, в США—XIX веках под влиянием быстро меняющихся социальных условий государство открыло приюты для брошенных детей. Зная о связи между патриархальной семьей и авторитарным политическим порядком, радикалы в 50—60-х годах XIX века критиковали патриархальную семью и пытались освободить женщин от ее власти (большевики будут делать то же самое полвека спустя). Государство отреагировало на это ужесточением порядка: женщин, живущих отдельно от семьи, стали брать под наблюдение, даже если их единственной целью было получение образования.

Как показала в своем труде Кристин Джоансон (5), борьба женщин за высшее образование во второй половине XIX века привлекла внимание государственной власти к проблемам социального статуса женщин. Зная, что их идеи бросали вызов общепринятым канонам о роли женщины, русские феминистки тем не менее не стремились изменить традиционную структуру семьи и подчеркивали лишь пользу женского образования. Сотрудничая с правительством и избегая конфронтации, им удалось добиться права для женщин на получение диплома университета, а также права

заниматься изучением медицинских наук. Работа Джоансон, хотя автор и не заостряет на этом особое внимание, говорит о том, что в умах консервативно настроенных правительственных лиц социальная стабильность ассоциировалась с возвратом женщин высшего и среднего сословия в традиционные для них сферы деятельности.

Ряд американских исследований посвящены проблемам миграции крестьянок в города в поиске работы во второй половине XIX века. Отмечается, что, хотя условия жизни переехавших в город женщин были часто не лучше, чем в деревне, они давали возможность почувствовать независимость (как, впрочем, и большую уязвимость). И хотя женщины часто физиологически и юридически были привязаны к деревне, они все-таки больше не были подчинены патриархальному контролю над их поведением. Результатом такой свободы явился высокий процент незаконнорожденных детей в крупных городах России. Рост проституции был наиболее явным и тревожным знаком женской свободы от патриархального контроля, что побудило государство к действиям. Подозревая всех женщин низшего сословия, не имевших семьи, в «торговле пороком»,

государство попыталось заменить своей патриархальной властью отсутствующих мужей и отцов. Оно создало сеть законов, регулирующих проституцию, а также систему контроля за венерическими заболеваниями. Эти меры затронули практически всех женщин низшего сословия, так что, даже случайно оказавшись в поле зрения полиции по проблемам нравственности, они рисковали получить «желтый билет» (так по цвету бумаги, на которой он печатался, назывался документ, разрешающий занятие проституцией). За женщинами, получившими такой билет, вместо медицинского контроля за распространением венерических заболеваний устанавливался полицейский надзор, что изначально являлось целью введения этого документа. Однажды зарегистрированная как профессиональная проститутка, женщина переставала быть хозяйкой самой себе. Такие меры государственной поддержки традиционных домостроевских порядков вызвали протест прогрессивной интеллигенции.

В зарубежных исследованиях распространено мнение, что легальная борьба за расширение прав каждого гражданина в сочетании с борьбой за права женщин в России были частью общей социальной и политической борьбы в империи с момента отмены крепостного права и до начала 1917 года. Некоторые американские авторы утверждают, что споры российских либералов о защите женских прав препятствовали решению женского вопроса, поскольку они ставили его юридическое продвижение в зависимость от результатов борьбы за гражданские права всего народа. Анализ

законодательных реформ, проведенный американскими учеными, показывает, что юристы отрицали женскую самостоятельность как независимость только от мужчин. Врачи также использовали женскую проблему как основание для выдвигания требований к верховной власти, предлагая заменить полицейский надзор за женщинами легкого поведения медицинским контролем.

По мнению ученых США, занимающихся историей женского движения в России в конце XIX—начале XX века, в период зарождения гражданского общества женщины, как и мужчины, требовали все большей самостоятельности и юридических прав. В некоторых случаях они добивались этого за счет расширения своей сферы деятельности. Например, от простого сострадания к бедным женщины перешли к активной благотворительности и просветительству. Особенно это было характерно для провинции, где женские общества оставались достаточно свободными от государственной власти, которая все еще относилась подозрительно к любой частной инициативе или независимой деятельности. Учительницы Санкт-Петербурга боролись за право быть профессионалами на работе и в то же время женами и матерями в семье. Протестуя против указов, запрещавших женщинам-учителям выходить замуж, они объединились, чтобы добиться этого права и самим решать свою личную жизнь.

В исследованиях, освещающих среди других вопросов участие женщин в революционных движениях (4, 6, 7), подчеркивается, что феминистки России вместе с революционерами боролись против государственной власти. Когда женщины жертвовали собой за дело революции, они добивались уважения и восхищения своих товарищей. Но когда они посвящали себя феминистской деятельности,

мужчины занимали двойственную позицию, несмотря на то что феминистки России сотрудничали с мужчинами из революционных и либеральных партий гораздо больше, чем феминистки Европы или США. Справедливо отмечается, что в период революции 1905 года очень мало мужских оппозиционных движений одобряли требования феминисток о предоставлении избирательного права для женщин. Поддерживали данное требование в основном крестьянская партия, называемая «трудовики», и кадеты, в то время как революционные партии относились к нему подозрительно и отказывались поддерживать «буржуазный феминизм».

Зарубежные ученые придерживаются точки зрения, что двойственное отношение большевиков к феминизму сохранялось и в период революции 1917 года. После Октябрьской революции феминизм вообще исчез как независимое политическое и интеллектуальное движение: «буржуазный феминизм» стал (и долгое время оставался) уничижительным термином, используемым мужчинами для оценки женщин, которые

высказывали требования, слишком расходившиеся с их мнением. Тем не менее множество революционерок-феминисток принимали участие в политических дискуссиях, и большевики старательно пытались выполнить обещание уничтожить патриархальную семью. В 1918 году они издали декрет, который уравнивал статусы мужчин и женщин, изъял браки из полномочий церкви, разрешил супружеской паре выбирать фамилию мужа или жены, дал незаконным детям такие же права, как и законным. Развод, фактически невозможный в период царизма, стал легко доступным. С 1920 года аборт признавался законным, если выполнялся врачом. Революция не только положила начало ряду экспериментов в жизни людей и в культуре, она также обеспечила беспрецедентные возможности для женщин из простого народа говорить и выступать от своего имени. Женские комитеты (женотделы) были основаны в 1919 году как результат усилий женщин-большевиц, таких, как Инесса Арманд и Александра Коллонтай, которые выполнили выдающуюся теоретическую и организационную работу на основе марксистского подхода к проблемам женщин и детей.

Вместе с тем подчеркивается, что наряду с реальным повышением социального статуса женщин революция фактически во многом ухудшила их положение. Гражданская война забрала их мужей и разрушила семейное хозяйство. Что могли значить обещания полового равенства для безработных женщин или для крестьянских женщин, не имеющих доступа к земле, которая принадлежала им по праву? Процент женской безработицы оставался высоким. Более того, революционные изменения не уменьшили нехватку продуктов и работы, а нестабильность семьи сделала традиционные женские обязанности еще более тяжелыми.

В трудах зарубежных исследователей нашли отражение малоизвестные в отечественной исторической науке общенародные дебаты по новому кодексу семьи 1926 года, который не только облегчил процесс развода, но и уравнивал в правах женщин, состоящих в гражданских и зарегистрированных браках. Американские ученые доказывают, что эти дискуссии предвещали консервативные тенденции 30-х годов. Так, Фарнсворд утверждает (3), что социальная политика большевиков 20-х годов была в основном консервативной и нацеленной на поддержание супружеской и семейной стабильности. Она считает очевидной неудачу партии в создании общего страхового фонда, который бы содержал и поддерживал независимость незамужних матерей. Следует отметить работы зарубежных авторов, посвященные исследованию условий жизни российских женщин 30—60-х годов (6, 7), где отражены различные формы женского сопротивления политике большевиков. Утверждается, что женщины как коллективно, так и индивидуально защищали свои интересы

от растущих притязаний партии — государства: крестьянки принимали участие в бунтах против коллективизации и уничтожения их семейных хозяйств; на индивидуальном уровне женщины отвергали государственный контроль над их сексуальным поведением. В 60-х годах из-за отмены права на аборт, которая лишила их главного средства контроля над деторождаемостью, женщины подвергали себя подпольным абортам, чтобы иметь возможность получить образование и участвовать в профессиональной деятельности. При характеристике статуса российских женщин в 30-х годах XX века исследователи отмечают, что женщины взяли на себя тяжесть полного оплачиваемого рабочего дня, продолжая выполнять почти всю работу на дому без экономящих труд машин. Их ноша была особенно тяжела в деревне, где рабочий день длиннее, а удобства еще скуднее, чем в городах. Как в деревне, так и в городе они составляли наиболее малооплачиваемую часть рабочей силы и не допускались к подлинной политической власти. Отмечается, что с 60-х годов социальные различия между мужчинами и женщинами приобрели статус научно обоснованных, а дискуссии по женскому вопросу стали возможны только после смерти Сталина.

Предложенные читателю точки зрения американских ученых относительно положения женщины в дореволюционной и советской России показывают тот большой интерес, который проявляют западные специалисты по женскому движению к истории такого же движения в нашей стране. Можно соглашаться или не соглашаться с их взглядами, но необходимо признать, что с формальных позиций они довольно глубоко постарались изучить положение крестьянок и фабричных работниц, борьбу российских женщин за свое равноправие. Нельзя не согласиться с некоторыми западными исследователями, утверждающими, что Октябрьская революция предоставила женщинам возможность встать на одну ступеньку с мужчинами во всех сферах общественно-политической жизни, но в силу своей психологической, образовательной, воспитательной неготовности, а также недостаточности материально-технической базы СССР женщины не смогли воспользоваться этой возможностью. Однопартийная система сама решила за них этот вопрос: для «справедливости» и «доказательства» равноправия мужчин и женщин места в партийных и других общественных органах четко распределялись из расчета 1—2 женщины в руководстве РК, ГК, ОК КПСС. В правительстве за всю историю советской власти женщин практически не было.

При всех положительных аспектах взглядов западных ученых нельзя не заметить, что они не учли перепад в уровнях развития и разницу цивилизационных характеристик женщин разных районов страны: от кочевых и полукочевых народов Сибири и Средней Азии до населяющих европейскую часть России. И

если в европейской части России образованные женщины сумели понять всю значимость решения проблемы полного равноправия женщин с мужчинами (цель которого — не только равная оплата труда, но и доступ к власти, обладая которой, они смогли бы прекратить войны), то на Востоке подчиненность женщины не была преодолена и за 70 с лишним лет советской власти, какие бы усилия для этого она ни прилагала. В современных же условиях эта тема вообще ушла из поля зрения как властных структур, так и ученых этих регионов. А сообщение из Калмыкии о том, что президент К. Илюмжинов собирается вернуть традиции многоженства и гарема, повергло всю цивилизованную общественность России в недоумение.

Ученые Запада пока не представляют себе всех тех сложностей, которые возникают в нашей стране при попытках перехода ее на европейский тип развития, не учитывают, что различные по экономическому уровню, национальному составу и нравственным устоям регионы отличаются к тому же неоднородностью женского образования, семейного воспитания, воззрений на социальный статус женщины. Эти аспекты слабо изучены и отечественными исследователями. Полагаем, что изучение исторического пути российской женщины включает в себе перспективу не только корректировки существующего мнения об

универсальности мужского опыта, но и выработки свежего взгляда на прошлое России, сущность и источники исторических трансформаций.

Библиографический список

1. Engel B. A. Mothers and Daughters: Women of the Intelligentsia in Nineteenth Century // *Slavic Review*. 1992. №2.
2. Engel B. A. The Woman's Side: Male Out-Migration and the Family Economy in Kostroma Province // *Ibid*. 1986. №2.
3. Farnsworth B. The Litigious Daughter-in-Law: Family Relations in Rural Russia in the Second Half of the Nineteenth Century // *Ibid*. № 1.
4. Glickman R. The Russian Factory Woman: Workplace and Society, 1880—1914. Berkeley: University of California Press, 1984.
5. Johanson Chr. Women's Struggle for Higher in Russia, 1855—1900. Kingston; Montreal: McGill-Queen's University Press, 1987.
6. Lemer G. Placing Women in History: A 1975 Perspective. Urbana: University of Illinois Press, 1976.
7. Stites R. The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860—1930. Princeton, 1978.
8. Worobec Chr. Customary Law and Property Devolution among Russian Peasants in the 1870s // *Canadian Slavonic Papers* XXVI. 1984. № 2/3.